

Печорин и женские персонажи в «Герое нашего времени» Лермонтова: метаморфозы эроса

Pechorin and Female Characters in Lermontov's *The Hero of Our Time: Metamorphosis of Eros*

Владислав Шаевич Кривонос

(Самара, Россия)

Абстракт:

В статье рассматриваются метаморфозы эроса в различных сюжетных эпизодах и ситуациях, в которых действуют и проявляют себя герой романа и попавшие в его орбиту женские персонажи. Изучается роль эроса в системе событий и в саморефлексии и рефлексии Печорина, раскрывающих его отношение к происходящему. Женские персонажи, как показано в статье, служат персонификацией различных облиций эроса. Метаморфозы эроса позволяют ему, как отмечает автор, принять форму чувственного влечения, эротического наваждения или эротической игры, наконец, понимающей любви, которая его преображает. В статье раскрывается влияние эроса на ход той или иной рассказанной истории. Эрос также накладывает свой отпечаток на судьбу Печорина, со всеми ее непредсказуемыми поворотами. Все это определяет, согласно выводам автора, особое место, которое занимают различные формы эроса и эрос как таковой в смысловом пространстве «Героя нашего времени».

Ключевые слова:

Лермонтов; Печорин; женские персонажи; эрос; персонификации эроса; метаморфозы эроса

Abstract:

The article examines the metamorphosis of eros in various episodes and situations of the plot in which the hero of the novel and the female characters that have fallen into his orbit act and manifest themselves. The role of eros in the system of events and in self-reflection and reflection of Pechorin is studied, revealing his attitude to current events. Female characters, as shown in the article, serve as personifications of various guises of eros. Metamorphosis of eros allow it, as the author notes, to take the form of sensual attraction, erotic obsession or erotic play, finally, understanding love that transforms it. The article reveals the influence of eros on the course of stories told. Eros also leaves its mark on the fate of Pechorin, with all its unpredictable twists and turns. All this determines, according to the author's conclusions, a special place that various forms of eros and eros as such in the semantic space of the "The Hero of Our Time" occupy.

Key words:

Lermontov; Pechorin; female characters; eros; personifications of eros; metamorphosis of eros

Роль эроса в системе событий, описанных в «Герое нашего времени», хотя и представляется очевидной, если вспомнить о сюжетных перипетиях, тем не менее не привлекала к себе специального внимания исследователей, ограничившихся отдельными наблюдениями и соображениями, краткими или более или менее развернутыми, в том числе весьма ценными¹. Было замечено, что эрос в своих проявлениях порождает разнообразные «маски и личины любви», которые «могут быть персонифицированы»². Это имеющее общее значение замечание сохраняет свой смысл и применительно к лермонтовскому роману, персонажи которого персонифицируют различные облики эроса; указанные персонификации связаны здесь с сюжетными формами выражения эроса и вариантами его трансформации.

Цель предлагаемой статьи — рассмотреть метаморфозы эроса в различных сюжетных эпизодах и ситуациях, в которых действуют и проявляют себя герой романа и попавшие в его орбиту женские персонажи.

- 1 ISUPOV, K. G.: *Metafizika Lermontova*. In: *M. ĵu. Lermontov: pro et contra*. T. 2. Sankt-Peterburg: RCHGA, 2014, s. 64–66; CHANZEN-LEVE, O. A.: *Pečorin kak ženščina i lošad' v romane-eksperimente Lermontova*. In: *M. ĵu. Lermontov: pro et contra*. T. 2. Sankt-Peterburg: RCHGA, 2014, s. 542–544, 548–550.
- 2 ISUPOV, K. G.: *Russkij èros i metafizika smerti*. In: *Meždunarodnyj žurnal issledovanij kul'tury*, 2016, № 1 (22), s. 74.

Эротический опыт

Эротический опыт выступает важнейшей частью биографической истории Печорина, отраженной в его воспоминаниях о петербургской жизни. Вспоминает он далеко не обо всем, что касается его прошлого, многое утаивая и прибегая к намекам, которые не расшифровывает, но о приобретенном им эротическом опыте считает нужным, раскрывая причины своего непонятного собеседнику поведения, рассказать Максиму Максимычу: «В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и, разумеется, удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет, и скоро общество мне также надоело; влюблялся в светских красавиц и был любим, — но их любовь только раздражала мое воображение и самолюбие, а сердце осталось пусто...»³.

Для *первой молодости* Печорина характерен избыток эроса, принявшего форму доступных ему *удовольствий*, но одни только чувственные наслаждения, став основой эротического опыта, как и дополнившие этот опыт любовные приключения, сопровождавшие светскую жизнь молодого человека, в результате лишь ослабили и даже погасили интенсивность эротических переживаний, вызвав ощущение внутренней пустоты, сменившееся в конце концов чувством перманентной скуки: «Тогда мне стало скучно...»⁴. А скука, вызывая разочарование в привлекательном прежде для Печорина образе жизни, оборачивается видимой потерей интереса к эросу, который сам по себе не может избавить от скуки.

Между тем Печорину открывается не только негативная сторона полученного им эротического опыта; он включает в себя и поиск «счастья, когда сердце чувствует необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь...»⁵, и остро ощущаемую «беспокойную потребность любви, которая нас мучит в первые годы молодости...»⁶. Опыт этот позволил ему выработать и развить особую интуицию, крайне редко подводившую, определявшую его поступки в ситуациях, чреватых новыми любовными увлечениями: «Знакомясь с женщиной, я всегда безошибочно отгадывал, будет ли она меня любить или нет...»⁷. Наконец, эротический опыт дал ему понимание женского характера и знание женской психологии: «Женщины должны бы желать, чтоб все мужчины их так же

3 LERMONTOV, M. Ju.: *Polnoje sobranije sočinenij: V 6 t.* T. VI. Moskva; Leningrad, 1957, s. 231.

4 Ibidem, c. 232.

5 Ibidem, c. 279.

6 Ibidem, c. 293.

7 Ibidem, c. 292.

хорошо знали, как я, потому что я люблю их во сто раз больше с тех пор, как их не боюсь и постиг их мелкие слабости»⁸.

Печорин указывает на необычную власть «прошедшего» над ним: «...я глупо создан: ничего не забываю, ничего»⁹. Неумение забывать означает известную зависимость от собственного прошлого, которое, как показывают сюжетные события, не только влияет на настоящее, но и управляет им; будучи частью *прошедшего*, сохранившего свое значение для настоящего, эротический опыт, отрефлексируемый Печориным, многое объясняет в его отношениях с женскими персонажами.

«Странная потребность сердца»

Говоря о своем эротическом опыте, Печорин в зависимости от того, кому адресованы его рассуждения, например, Максиму Максимычу или себе самому, использует ту или иную речевую маску, которая не только никогда не срывается полностью с его «я», но и может отчуждаться от него. В последнем случае, будучи адресатом собственного высказывания, Печорин выступает в роли другого по отношению к себе; его высказывания как раз и служат демонстрацией такого отношения. Это не всегда учитывают, когда в его самопризнаниях усматривается «...позиция наивного, но неборимого эротического вампиризма»¹⁰. Ср. также замечание, основанное на его самохарактеристике: «Один из метафорических мотивов, указывающих на вампирическое начало в Печорине — ненасытность»¹¹.

Наивность печоринского вампиризма заключается, как можно предположить, в том, что он искренне не считает нужным скрывать свои наклонности, по крайней мере, от самого себя: «Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую всё, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы»¹². Ненасытность (*ненасытная жадность*) является для него проявлением не вампирического, а естественного, свойственного его человеческой природе, начала; если на других, кто служит для него *пищей*, он смотрит *только в отношении к себе*, то на себя он смотрит как на другого (как

8 Ibidem, с. 308.

9 Ibidem, с. 273.

10 ISUPOV, K. G.: *Metafizika Lermontova*. In: *M. Ju. Lermontov: pro et contra*. T. 2. Sankt-Peterburg: RCHGA, 2014, s. 71.

11 SAVINKOV, S. V.: *Tvorčeskaja logika Lermontova*. Voronež: Izd-vo VGU, 2004, s. 196.

12 LERMONTOV, M. Ju.: *Polnoje sobranije sočinenij: V 6 t.* T. VI. Moskva; Leningrad, 1957, s. 94.

на героя собственного повествования), когда описывает черты своей личности, которые могут быть восприняты как негативные.

Перед дуэлью с Грушницким Печорин, вспоминая обо всём прошедшем, заносит в журнал признание, которое как будто подтверждает обозначенную исследователем позицию: «Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия; я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежности, их радости и страдания — и никогда не мог насытиться»¹³. Вновь возникает мотив ненасытности, что дает, казалось бы, веский повод порассуждать об эротическом вампиризме, но объясняется она *странной потребностью сердца*, странной для самого Печорина, который и здесь смотрит на себя со стороны.

Между тем устойчивым стало представление именно о «вампирической активности» Печорина и ее «жертвах», испытывавших «в буквальном смысле физическое истощение, что нельзя не воспринять как намек...»¹⁴. Ср.: «В „Бэле“ вполне ясно проводится вампирическая ситуация: живя с Печориным, прекрасная черкешенка постепенно хиреет, бледнеет, теряет силы, не покидает комнаты...»¹⁵. Однако Бэла начала «сохнуть»¹⁶, когда Печорин охладил к ней; до этого она буквально расцветает и «так похорошела, что чудо»¹⁷. Ни в случае Бэлы, ни в случае Мери, которая заметно «переменилась с тех пор», как Печорин «не видал ее»¹⁸, нет какой-либо просматриваемой связи между их изменившимся в результате сильных переживаний обликом и предполагаемым вампиризмом героя.

После объяснения Мери в любви к нему, на которое он не ответил, с княжной случился «нервической припадок»; мысль о том, что она «проведет ночь без сна и будет плакать», Печорину, в чем он себе признается, «доставляет необъятное наслаждение»¹⁹. И далее следует еще одно признание, которое исследователь прямо увязывает с эротическим вампиризмом²⁰. Ср.: «Есть минуты, когда я понимаю Вампира!.. А еще слышу добрым малым и добиваюсь

13 Ibidem, с. 321.

14 SAVINKOV, S. V.: *Tvorčeskaja logika Lermontova*. Voronež: Izd-vo VGU, 2004, s. 196.

15 GELLER, L. M.: Pečorinskoje libertianstvo. In: *M. Ju. Lermontov: pro et contra*. T. 2. Sankt-Peterburg: RCHGA, 2014, s. 559.

16 LERMONTOV, M. Ju.: *Polnoje sobranije sočinenij: V 6 t.* T. VI. Moskva; Leningrad, 1957, s. 231.

17 Ibidem, с. 221.

18 Ibidem, с. 337.

19 Ibidem, с. 310.

20 ISUPOV, K. G.: *Metafizika Lermontova*. In: *M. Ju. Lermontov: pro et contra*. T. 2. Sankt-Peterburg: RCHGA, 2014, s. 71.

этого названия»²¹. Печорин имеет в виду героя романтической повести По-лидори-Байрона «Вампир», который показан как «...носитель inferнального зла, всегда равный самому себе...»²². Но таков ли Печорин, если он специально оговаривается, что вампиризм, с изображением которого он познакомился, не является константой его собственного поведения и что Вампира он *понимает* только в определенные *минуты*? Он не тождествен Вампиру хотя бы потому, что, в отличие от героя повести, не равен себе; зло как таковое не является для него целью. В вампирическую схему его поведение явно не укладывается. Так, испытывая во время решительного разговора с Мери жалость к ней, Печорин сознается: «Это становилось невыносимо: еще минута, и я бы упал к ногам ее»²³.

Присущий образу Печорина «демонический сверхсмысл»²⁴, сближая его с другими лермонтовскими героями, прежде всего с героем поэмы «Демон», чья любовь приносит страдание и гибель, не сводится к эротическому вампиризму, пусть он в какие-то *минуты* (позируя перед самим собой) и *понимает* Вампира. Демонические черты, которые он в себе находит, сочетаются в его характере с чертами *доброто малого*, то есть одного из многих; он не просто слышит *доброто малым*, но пытается им быть в глазах окружающих, хоть это и выглядит демонстративным самоумалением, потому что *название*, которого он добивается, тоже не соответствует сути его личности.

Асимметрия мужского и женского

Меньше всего Печорин походит на *доброто малого* в отношениях с женскими персонажами; женщина воспринимается им как объект эротической инициативы, он же, будучи субъектом, считает себя вправе подчинять и доминировать. Максиму Максимычу, упрекающему его, что он «нехорошо» поступил, похитив Бэлу, Печорин отвечает: «— Да когда она мне нравится?...»²⁵. В ней он видит свою собственность, которой завладел в результате сговора с ее братом: «Я нанял нашу духанщицу: она знает по-татарски, будет ходить за нею и приучит ее к мысли, что она моя, потому что она никому не будет принадлежать, кроме

21 LERMONTOV, M. Ju.: *Polnoje sobranije sočinienij: V 6 t.* T. VI. Moskva; Leningrad, 1957, s. 337.

22 VACURO, V. È.: *Nenastnoje leto v Ženeve, ili Istorija odnoj mistifikacii.* In: *ARS. Tematičeskij vypusk. Bezdna.* Sankt-Peterburg, 1992, s. 44.

23 LERMONTOV, M. Ju.: *Polnoje sobranije sočinienij: V 6 t.* T. VI. Moskva; Leningrad, 1957, s. 231.

24 MARKOVIČ, V. M.: *O značenii nezaveršennosti v proze Lermontova.* In: *M. Ju. Lermontov: pro et contra.* T. 2. Sankt-Peterburg: RCHGA, 2014, s. 360.

25 LERMONTOV, M. Ju.: *Polnoje sobranije sočinienij: V 6 t.* T. VI. Moskva; Leningrad, 1957, s. 219.

меня, — прибавил он, ударив кулаком по столу»²⁶. Разыграв сцену с отъездом — как «последнее средство» сломить упорство Бэлы — и заявив о решимости предоставить ей свободу, раз она не любит его, он добивается своей цели: «Только едва он коснулся двери, как она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею»²⁷. Бэла, чьи чувства он испытал путем жестокого эксперимента, принадлежит теперь ему и только ему.

Повествователь, нарисовав портрет Печорина, замечает, «...что он был вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физиогномий, которые особенно нравятся женщинам светским»²⁸. Нравится он не только светским женщинам, но и черкешенке Бэле, и дочери казацкого урядника Насте в «Фаталисте», однако не одна лишь резко выраженная маскулинность (маркирующая мужчину как «субъекта, хозяина положения»²⁹), действие которой оборачивается «магнетическим влиянием сильного организма», и мужская привлекательность позволяют ему, «вовсе об этом не стараясь», приобретать над «волей и сердцем» тех, кто полюбил его, «непобедимую власть»³⁰. Женщин «с характером», в чем он себе признается, он не любит, полагая наличие характера привилегией мужчин: «...их ли это дело!»³¹. Подавленное «обстоятельствами» честолюбие, будучи, в понимании Печорина, ничем иным «как жаждой власти», вызывает у него «удовольствие — подчинять» своей «воле всё», что его «окружает», и «возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха»³².

Так, он торжествует, обнаружив признаки своей власти над Мери, когда, желая вызвать у нее «сострадание, чувство, которому покоряются так легко все женщины» (и оно, разумеется, «впустило свои когти в ее неопытное сердце»), и, прибегнув для этого к актерскому приему, то есть «приняв глубоко тронутый вид»³³, прочитал ей «эпитафию», посвященную «погибшей половине» своей души, и встретил ее глаза, в которых «бегали слезы», ее рука «дрожала, щеки пылали»³⁴.

26 Ibidem, с. 219.

27 Ibidem, с. 222.

28 Ibidem, с. 244.

29 KON, I.: Mužskoje telo kak èrotičeskij ob"jekt. In: *O muže(N)stvennosti: Sbornik statej*. Moskva: Novoje literaturnoje obozrenije, 2002, s. 46.

30 LERMONTOV, M. Ju.: *Polnoje sobranije sočinenij: V 6 t.* T. VI. Moskva; Leningrad, 1957, s. 279.

31 Ibidem.

32 Ibidem, с. 294.

33 Ibidem, с. 296.

34 Ibidem, с. 297.

Печорин дважды на протяжении повествования подчеркивает, что он *глупо создан*: когда признается, что ничего не забывает (таковы его отношения с *прошедшим*); когда его поражает странная непредсказуемость собственного поведения. В первом случае обозначена (учитывая ход его рассуждений в той и в другой ситуации) сугубо мужская черта характера, во втором — явно черта женская. Особенности личности и личностных проявлений Печорина порождают таким образом специфическую асимметрию мужского и женского, характеризующую соотношение двух миров в романе и ставящую его на особое место в системе персонажей; маскулинные и фемининные черты, дополняя друг друга, наделяют его удивительной способностью не просто, как никто, понимать женщин, но и самому глубоко проникаться женским.

Эрос как чувственное влечение, как наваждение и как игра

Эрос, если взять отношение Печорина к женским персонажам, трансформируется в разные формы в зависимости от предмета его увлечения и сюжетной ситуации.

В «Бэле» экзотическая история любви русского офицера и девушки-горянки, с «глазами черными, как у горной серны»³⁵, окрашена в яркие эротические тона. Эротической символикой наполнена песня-комплимент Бэлы; в ней Печорин сравнивается с «тополем» между джигитами, «только не расти, не цвести ему в нашем саду»³⁶. Признаком взаимного эротического интереса служит смотрение и обмен взглядами при первом знакомстве: «Печорин в задумчивости не сводил с нее глаз, и она частенько исподлобья на него посматривала»³⁷. С того дня, как Бэла увидела его, «он часто ей грезился во сне», так как «ни один мужчина никогда не производил на нее такого впечатления»³⁸.

Со стороны Печорина любовь к «дикарке», как он называет Бэлу, которую принял было «за ангела, посланного» ему «сострадательной судьбою», носит характер сильного чувственного влечения: пережив очередное разочарование, герой признается, что «опять ошибся», но «благодарен за несколько минут довольно сладких»³⁹. Однако эротическая привлекательность Бэлы не спасает

35 Ibidem, с. 211.

36 Там же.

37 Там же.

38 Ibidem, с. 222.

39 Ibidem, с. 232.

отношения; такое влечение не длится долго и постепенно угасает, когда Печорину становится «с нею скучно...»⁴⁰.

В «Тамани» Печорин оказывается во власти эротического наваждения, встретив в доме, где остановился, «девушку с распущенными косами», похожую на «настоящую русалку»⁴¹. Он ощущает, читая в ее взглядах «что-то дикое и подозрительное», но игнорирует исходящую от нее опасность, вообразив, «что нашел Гётеву Миньону», с которой у ундины «было много сходства»⁴². Его эротическое воображение пленяют «длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив ее слегка загорелой кожи на шее и плечах, и особенно правильный нос», признак, в чем он был убежден, «породы в женщинах»⁴³. Узнав от самого Печорина, что он выследил ее и догадался, чем они с приятелем промышляют, ундина делает вид, что пытается соблазнить его; взор, который она устремила на него, показался ему «чудно нежен», лицо «изобличало волнение душевное», а «грудь ее то высоко поднималась, то, казалось, она удерживала дыхание»; кончилась же эта «комедия» тем, что «вдруг она вскочила, обвила руками» его шею и запечатлела на его губах «влажный, огненный поцелуй»⁴⁴.

Пребывая в плену у эротического наваждения, Печорин соглашается на свидание с ундиной на берегу моря; так она сначала отбирает у него мужскую привилегию проявлять эротическую инициативу, а затем, заманив в лодку, пытается его утопить. Правда, обмен ролями все же не происходит; Печорин, хоть и не без труда, демонстрирует мужское превосходство, бросив ундину в волны после «отчаянной борьбы»⁴⁵.

В «Княжне Мери» Печорин пускается в детально продуманную им эротическую игру с молоденькой княжной, чтобы отвлечь внимание окружающих от его романа с Верой, замужней женщиной и своей давней возлюбленной. Он замечает, что «княжна Мери прехорошенькая» и что у нее «такие бархатные глаза»⁴⁶, но какое-то время, следуя своему замыслу, даже не пытается познакомиться с ней, вызывая у нее, чего и добивается, интерес к собственной персоне. Задачу Печорина облегчает услышанный ею рассказ княгини о его петербургских «похождениях», основанный на «светских сплетнях», так что в «ее воображении» он сделался «героем романа в новом

40 Там же.

41 Ibidem, с. 254.

42 Ibidem, с. 256.

43 Там же.

44 Ibidem, с. 257.

45 Ibidem, с. 258.

46 Ibidem, с. 265.

вкусе...»⁴⁷. Дождавшись «удобного случая»⁴⁸ и познакомившись с княжной, он «дал ей почувствовать очень запутанной фразой, что она» ему «давно нравится»⁴⁹. Далее, «ни разу» не отступив «от своей системы», он старается, как и обещал Вере, сблизиться с Мери и рассказывает ей «некоторые из странных случаев» своей жизни; в результате она «начинает видеть» в нем «человека необыкновенного»⁵⁰.

Между тем их отношения как будто выходят за границы типичного курортного романа. Вызывая ревность Веры, он словно по-настоящему увлекается княжной и ведет себя как влюбленный: сажая Мери в карету, «быстро прижал ее маленькую ручку к губам своим»⁵¹; помогая ей переехать горную речку, крепко «обвил ее нежный, мягкий стан»⁵² и, не обращая внимания «на ее трепет и смущение», касается губами «ее нежной щечки»⁵³. На самом деле поведение Печорина служит продолжением затеянной им эротической игры с княжной; не говоря ей ни слова, он хочет «видеть, как она выпутается из этого затруднительного положения»⁵⁴. Последовавший затем разговор вынуждает его прямо сказать княжне, не оправдываясь и не объясняя «своих поступков»⁵⁵, что он ее не любит.

Так сюжетно реализуется «метафора зарезанной любви»⁵⁶, если вспомнить реакцию Мери на испугавшее ее злословие Печорина, названного ею тогда «опасным человеком»:

«Я вас прошу не шутя: когда вам вздумается обо мне говорить дурно, возьмите лучше нож и зарежьте меня, — я думаю, это вам не будет очень трудно.

— Разве я похож на убийцу?..

— Вы хуже...»⁵⁷.

Эротическая игра, которую позволил себе Печорин, втянув в нее не подозревавшую о его замысле княжну, будучи для него новым приключением

47 Ibidem, с. 271–272.

48 Ibidem, с. 284.

49 Ibidem, с. 287.

50 Ibidem, с. 292.

51 Ibidem, с. 303.

52 Ibidem, с. 309.

53 Ibidem, с. 310.

54 Там же.

55 Ibidem, с. 213.

56 BOČAROV, S. G.: Otkryvatel' verchnego rjada ruskoj prozy. In: *M. Ju. Lermontov: pro et contra*. T. 2. Sankt-Peterburg: RCHGA, 2014, s. 111.

57 LERMONTOV, M. Ju.: *Polnoje sobranije sočinenij: V 6 t.* T. VI. Moskva; Leningrad, 1957, s. 296.

и еще одним экспериментом, оказалась слишком *опасной* для Мери, для ее физического и душевного здоровья; любовь к Печорину, который действительно оказался для нее *хуже*, сменяется в итоге ненавистью к нему.

Эрос и танатос

Поведение Печорина с княжной, говорящей ему о готовности всем пожертвовать ради брака с любимым человеком, оборачивается гибелью ее любовного чувства, обнажая связь эроса с танатосом. Сам он объясняет свою неспособность к «благородным порывам»⁵⁸ тем, что испытывает «какой-то врожденный страх» перед необходимостью поступиться свободой даже ради страстной любви, которая с Мери его не связывает, признаваясь, что когда он «был еще ребенком, одна старуха» гадала про него и предсказала «смерть от злой жены»; так в душе его «родилось непреодолимое отвращение к женитьбе»⁵⁹.

Было отмечено, что Печорин «сам превращается» в судьбу для женщин, «чтобы предупредить свою собственную судьбу»⁶⁰. Это верно как в истории с Мери, считающей, что он *хуже* убийцы, так и в истории с ундиной, лгущей, что любит его, и попытавшейся его утопить; справившись с ней, он сам чуть было не сыграл роль убийцы. Эрос вновь обнаруживает свою связь с танатосом, хотя Печорина и в этот раз миновала угроза смерти от *злой жены*. В «Фаталисте» Печорин проходит мимо Насти, «по обыкновению» дожидавшейся его «у калитки», так как ему «было не до нее»⁶¹. Связь эроса с танатосом принимает здесь иную форму: женщина готова «дать ему свою любовь», но «он предпочитает уйти от нее для того, чтобы играть со смертью — в образе пьяного казака»⁶².

История Бэлы, зарезанной Казбичем, которому она «давно-таки нравилась»⁶³ и который, воспользовавшись удобным моментом, захотел ее увезти, раскрывает трагическую сторону эроса, несущего в себе возможность гибели, предсказанной или же случайной. Сознвая, что умирает, Бэла попросила Печорина, «чтоб он ее поцеловал», и «крепко обвила его шею дрожащими

58 Ibidem, с. 313.

59 Ibidem, с. 314.

60 CHANZEN-LEVE, O. A.: Pečorin kak ženščina i lošad' v romane-eksperimente Lermontova. In: *M. Ju. Lermontov: pro et contra*. T. 2. Sankt-Peterburg: RCHGA, 2014, s. 550.

61 LERMONTOV, M. Ju.: *Polnoje sobranije sočinenij: V 6 t.* T. VI. Moskva; Leningrad, 1957, s. 344.

62 GELLER, L. M.: Pečorinskoje libertianstvo. In: *M. Ju. Lermontov: pro et contra*. T. 2. Sankt-Peterburg: RCHGA, 2014, s. 560.

63 LERMONTOV, M. Ju.: *Polnoje sobranije sočinenij: V 6 t.* T. VI. Moskva; Leningrad, 1957, s. 235.

руками, будто в этом поцелуе хотела передать ему свою душу...»⁶⁴. Печорин, так подействовала на него ее неожиданная кончина, «был долго нездоров, исхудал»⁶⁵. Максим Максимыч, когда вновь увиделся с ним, неосторожно напоминает ему о Бэле, но он «чуть-чуть побледнел и отвернулся...»⁶⁶. Печорин не может забыть о печальной участи девушки, чья любовь к нему была оплачена ее смертью.

Преображение эроса

Печорина, встретившего Веру после долгой разлуки, охватывает эротическое волнение: «Я сел возле нее и взял ее за руку: давно забытый трепет пробежал по моим жилам при звуке этого милого голоса...»⁶⁷. Неостывшее любовное чувство, связавшее их когда-то, вспыхивает вновь: «Я ее крепко обнял, и так мы оставались долго. Наконец губы наши сблизились и слились в жаркий, упоительный поцелуй; ее руки были холодны, как лед, голова горела»⁶⁸. Чувственное влечение соединяется с сердечной привязанностью героев друг к другу, порождая метаморфозы эроса; его содержанием действительно становится неподдельная любовь, а не ее имитации. Вера остается для Печорина «единственной женщиной в мире», которую он «не в силах был бы обмануть»; он видит в ней не объект эротических устремлений, а неповторимую личность, почему, как «ей это повторял всегда», в душе его «воспоминание об ней останется неприкосновенным...»⁶⁹.

Правда, Вера называет себя «рабой» Печорина: «...я никогда не умела тебе противиться...»⁷⁰. Однако, как точно было замечено, именно Печорин «подчиняется ей без сопротивления»⁷¹. При этом он недоумевает: «За что она меня так любит, право, не знаю! — Тем более, что это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всеми моими мелкими слабостями, дурными страстями... Неужели зло так привлекательно?..»⁷². Но дело не в привлекательности зла, которое он носит в себе, а в ее способности любить и,

64 Ibidem, с. 236.

65 Ibidem, с. 237.

66 Ibidem, с. 245.

67 Ibidem, с. 278.

68 Там же.

69 Ibidem, с. 280.

70 Ibidem, с. 290.

71 DROZDA, M.: Povestvovatel' naja struktura «Geroja našego vremena». In: *M. Ju. Lermontov: pro et contra*. T. 2. Sankt-Peterburg: RCHGA, 2014, s. 339.

72 LERMONTOV, M. Ju.: *Polnoje sobranije sočinenij: V 6 t.* T. VI. Moskva; Leningrad, 1957, s. 292.

отдавая свою любовь, забывать о себе. Вера вовсе не идеализирует Печорина, но принимает его таким, каков он есть, потому что видит в нем не одни лишь *мелкие слабости и дурные страсти*, но лучшие свойства его личности, для нее тоже неповторимой. В ее отношении к нему зрячая страсть соединяется с понимающей любовью, на которую и он отвечает любовью, и связавшую их любовь не может погасить даже долгая разлука. Потому и становится возможным отличающее взаимоотношения Печорина и Веры преобразование эроса.

Основные выводы

Итак, мы попытались рассмотреть метаморфозы эроса, связанные с отношениями Печорина и женских персонажей. При этом специальное внимание было обращено на сюжетные трансформации эроса, его связь с танатосом и возможности его преобразования. Предложенный исследовательский ракурс определил и специфику подхода к решаемой в статье проблеме, и его принципиальную новизну. Женские персонажи, как следует из предпринятого анализа, служат персонификациями различных обличей эроса, который принимает формы чувственного влечения, эротического наваждения, эротической игры, наконец, понимающей любви. Эрос играет существенную роль как в системе событий, оказывая влияние на ход той или иной рассказанной истории, так и в рефлексии и саморефлексии Печорина, чье поведение, вопреки устойчивому представлению, не укладывается в вампирическую схему. Высвечивая особое положение Печорина в системе персонажей и накладывая свой отпечаток на их судьбу, эрос в его различных формах не только многое определяет в сюжетно-нарративной структуре лермонтовского романа, но занимает, что необходимо в заключение подчеркнуть, исключительно важное место в его смысловом пространстве.

Литература:

- BOČAROV, S. G.: Otkryvatel' verchnego rjada russkoj prozy. In: *M. Ju. Lermontov: pro et contra*. T. 2. Sankt-Peterburg: RCHGA, 2014, s. 96–119.
- DROZDA, M.: Povestvovatel' naja struktura «Geroja našego vremeni». In: *M. Ju. Lermontov: pro et contra*. T. 2. Sankt-Peterburg: RCHGA, 2014, s. 319–346.
- GELLER, L. M.: Pečorinskoje libertianstvo. In: *M. Ju. Lermontov: pro et contra*. T. 2. Sankt-Peterburg: RCHGA, 2014, s. 558–571.

- CHANZEN-LEVE, O. A.: Pečorin kak ženščina i lošađ' v romane-eksperimente Lermontova. In: *M. Ju. Lermontov: pro et contra*. T. 2. Sankt-Peterburg: RCHGA, 2014, s. 526–557.
- ISUPOV, K. G.: Metafizika Lermontova. In: *M. Ju. Lermontov: pro et contra*. T. 2. Sankt-Peterburg: RCHGA, 2014, s. 53–72.
- ISUPOV, K. G.: Russkij èros i metafizika smerti. In: *Meždunarodnyj žurnal issledovanij kul'tury*, 2016, № 1 (22), s. 72–77.
- KON, I.: Mužskoje telo kak èrotičeskij ob'jekt. In: *O muže(N)stvennosti: Sbornik statej*. Moskva: Novoje literaturnoje obozrenije, 2002, s. 43–78.
- LERMONTOV, M. Ju.: *Polnoje sobranije sočinenij: V 6 t.* T. VI. Moskva; Leningrad, 1957.
- MARKOVIČ, V. M.: O značenii nezaveršennosti v proze Lermontova. In: *M. Ju. Lermontov: pro et contra*. T. 2. Sankt-Peterburg: RCHGA, 2014, s. 347–366.
- SAVINKOV, S. V.: *Tvorčeskaja logika Lermontova*. Voronež: Izd-vo VGU, 2004.
- VACURO, V. È.: Nenastnoje leto v Ženeve, ili Istorija odnoj mistifikacii. In: *ARS. Tematičeskij vypusk. Bezdna*. Sankt-Peterburg, 1992, s. 36–48.

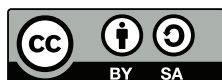
About the author

Vladislav Shaevich Krivonos

Samara State Social and Pedagogical University, Faculty of Filologia, Department of Literature, Samara, Russia

vkrivonos@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8138-0057>

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>>). This does not apply to works or elements (such as images or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.